

ОТЪ СКУКИ.

I.

Могучій продолжительный свистокъ пронесся надъ Волгой и долетѣлъ до убогаго уѣзднаго городка, ушедшаго отъ Волги на гору. Два-три извозчика во всю прыть поскакали къ берегу. На конторкѣ американскихъ пароходовъ засуетились. Расторопный околодочный торопливо прошелъ между полѣнницами дровъ, сложенныхъ на берегу, покручивая длинные заливатскіе усы и поправляя пашку. Немногочисленные пассажиры кинулись въ своимъ узелкамъ и мѣшкамъ.

Пароходъ убавилъ ходу и, мѣрно хлопая громадными колесами, бокомъ подходилъ къ пристани. Капитанъ-нѣмецъ, какъ угорѣлый, метался по трапу, крича и размахивая руками. Застучали о крышу конторки чалки... Пароходъ всколыхнулся въ послѣдній разъ, шумно, продолжительно вздохнулъ и сталъ.

Съ парохода сошло немного народа: человекъ десять оборванныхъ, грязныхъ жнецовъ съ обвязанными тряпками серпами, и двѣ барыни, за которыми матросы тащили чемоданы, узелки, картонны, корзины. Завидѣвъ ихъ, околодочный кинулся предупредительно очищать дорогу. Барыни прошли въ залъ.

— Спасибо, Митрофанъ Павловичъ, — поблагодарила околодочнаго высокая, полная барыня. — Все ли благополучно у васъ?

— Слава Богу-съ... Михалъ Авреліановичъ въ уѣздѣ... мы поручили васъ встрѣтить.

— А-а! — звѣнула барыня.

— Вотъ и доѣхали, Анна Ивановна, — обратилась она къ своей спутницѣ.

Спутница ея, болѣзненно-тучная пожилая женщина, обутанная, несмотря на тридцатиградусную жару, нѣсколькими платками, промышала что-то въ отвѣтъ. Сосредоточенно поджавъ губы, пересчитывала она свои узелки и картонны.